

УДК 343.2

О достижимости и приоритетности целей наказания**Уразбаев Р.Ш.**

Доцент кафедры правоведения,
проректор по режиму Казанского национального
исследовательского технологического университета,
Почетный работник Прокуратуры РФ, Заслуженный юрист РТ

В статье анализируются положения ч. 2 ст. 43 УК РФ, устанавливающей цели уголовного наказания, в аспекте их достижимости. Показано, что реально достижимой целью назначенного наказания является цель восстановления социальной справедливости. Установлена приоритетность этой цели относительно целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений, для достижения которых необходимо проведение комплекса мероприятий, определенных различными отраслями законодательства, и степень достижимости которых не имеет объективных критериев.

Ключевые слова: уголовное наказание, цели уголовного наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений, приоритет целей наказания.

Определение целей наказания является самым значимым вопросом уголовного права. «От его решения зависит не только построение многих институтов этой отрасли права, но и целеустремленное применение самого уголовного законодательства» [1, с. 52]. Это вытекает из фундаментальной значимости наказания в уголовном праве, являющегося основным инструментом в решении задач, стоящих перед уголовным законом. Соответственно, необходимо ясное осознание: для достижения каких целей наказание применяется, тем более что оно сопряжено с максимальной репрессивной составляющей уголовной политики государства, напрямую затрагивает права и свободы человека. Это отмечал и патриарх российского уголовного права Н.С. Таганцев: «Будучи личным страданием, причиняемым виновному за учиненное им деяние, наказание должно быть организовано так, чтобы оно служило или могло служить тем целям, которые преследует государство, наказывая» [2, с. 95].

В научной среде нет больших споров по поводу того, что правильно определенные цели уголовного наказания выступают важнейшим условием обеспечения эффективности правового регулирования и прямо влияют на эффективность уголовной полити-

ки в целом. «Цели наказания определяются уголовной политикой государства: формулируя цели, законодатель показывает, какого желаемого конечного результата стремится достичь государство, применяя уголовное наказание за совершаемые преступления. Вопрос о целях тесно связан с проблемой эффективности уголовного наказания, да и уголовного права в целом» [3, с. 8].

В то же время при рассмотрении конкретных вопросов необходимости и порядка законодательного закрепления целей уголовного наказания, количества этих целей, сущности каждой из них, степени их достижимости, главенства какой-либо из целей, напротив, нет единства, и вопрос целей наказания в различных аспектах является одним из наиболее дискуссионных.

Назначаемое судом наказание призвано устранить или хотя бы смягчить вредные последствия, наступившие в результате преступления, естественно, в тех случаях, когда это возможно, и в той мере, в какой это возможно. При этом надо помнить, что уголовное наказание не восстанавливает физические и материальные негативные последствия совершенного преступления. Назначенное наказание не воскресит убитого, не вернет здоровье или утраченное

имущество потерпевшему, не восстановит экологию или животный и растительный мир и т.д. Следовательно, желаемые и возможные результаты назначаемого судом уголовного наказания можно ожидать в виде смягчения отдельных негативных последствий совершенного преступления, в аспекте восстановления нарушенных общественных отношений.

В таком случае следует говорить о возможности, путем назначения уголовного наказания, восстановления социальной справедливости, восстановления чувства безопасности и защищенности граждан от преступных посягательств в любых сферах общественной жизни, восстановления доверия к правоохранительным и судебным органам, к государству в целом, подорванных совершенным преступлением. Одновременно можно рассчитывать на то, что уголовное наказание удержит от совершения новых преступлений самого осужденного и других членов общества, так как они убедятся в неизбежности наступления для них лично негативных последствий различного характера и интенсивности. Таким образом, смягчение (устранение) именно этих негативных для общества последствий преступления и является целями уголовного наказания. Это же определено законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденного; 3) предупреждение совершения новых преступлений.

Факт того, что указанные цели не всегда достигаются в результате назначенного наказания, не противоречит установлению их законом и обоснованности ожидания обществом их осуществления на практике. Другими словами, закон не гарантирует достижение целей, но обязывает применять наказание для максимального приближения к этому. Наказания преступника требует потерпевший, часть общества, а нередко и общество в целом, заинтересованное в сохранении общественного порядка, независимо от того, будут ли достигнуты и в какой степени указанные в законе цели. Тем самым цели наказания можно определить как закрепленные в законе социальные и иные результаты, ожидаемые потерпевшим, государством и обществом.

Проанализируем перечисленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ цели в том порядке, как они расположены в указанной норме.

1. Восстановление социальной справедливости

Данная цель наказания впервые появилась в отечественном уголовном законодательстве в 1996 г. При этом законодатель не дал определения восстановления социальной справедливости, не раскрыл это понятие.

Из установленных ст. 2 УК РФ задач уголовного закона следует, что любое общественно-опасное деяние, квалифицируемое законодателем как преступление, посягает на общественный правопорядок, который отвечает моральным и нравственным

установлениям большинства членов общества. Существующий правопорядок позволяет членам социума реализовывать гарантированные им права, защищать свои законные интересы, исполнять возложенные государством обязанности и воспринимается ими справедливым, отвечающим их интересам, воплощающим идею социальной справедливости, а всякое посягательство на него вызывает соответствующую негативную реакцию и возмущение. Уголовно-наказуемое правонарушение выступает против справедливого устройства общественной жизни, вносит элементы дезорганизации, и государство обязано соответствующим образом реагировать на такие посягательства, привлекать нарушителей к установленной законом ответственности, а в определенных законом случаях – назначать уголовное наказание. Тем самым оно достигает определенной законом цели восстановления социальной справедливости (с различной степенью эффективности), нарушенной совершенным преступлением. Восстановление социальной справедливости означает возмещение ущерба применительно как к отдельному потерпевшему, так и к обществу в целом [4, с. 93].

Из этого следует, что уголовное наказание должно максимально отвечать ожиданиям общества, соответствовать степени общественного возмущения, вызванного совершенным деянием, т.е. восприниматься как социально справедливое вплоть до полного удовлетворения ожиданий социума. Соответственно, восстановление социальной справедливости будет означать компенсацию ущерба, причиненного обществу, за счет, в максимальной степени равнозначного, ограничения прав и свобод виновного.

Нельзя игнорировать и такой аспект наказания, как восстановление социальной справедливости с точки зрения потерпевшего, получение им морального удовлетворения. Государство запретило гражданам самостоятельно вершить справедливое, с их точки зрения, правосудие и полностью приняло на себя осуществление этой функции. Напомним, что содержанием уголовного наказания, не будучи его целью, выступает кара. Значительная часть потерпевших заинтересована не только в возмещении причиненного преступлением имущественного вреда, но и в справедливом наказании (покарании), доставившего ему различной степени переживания, страдания и мучения преступника. Не стоит замалчивать то, что потерпевшим движет, помимо прочего, чувство возмездия, мести. Совершение самосуда лично потерпевшим (его родственниками, друзьями), который сам определяет справедливое, по его мнению, наказание и реализует его, есть осуществление мести в чистом виде. Особенно ярко это проявляется при совершении насильственных преступлений, преступлений против половой неприкосновенности, ряда других преступлений и последующем поведении потерпевших либо их близких.

Например, убийство швейцарского авиадиспетчера российским гражданином, который потерял в авиакатастрофе своих детей и жену [5]. Безусловно, им двигало только чувство мести. Можно определить это как восстановление потерпевшим социальной справедливости (в его собственном восприятии) доступным ему способом. Раз государство установило порядок, при котором только оно может покарать преступника и назначить ему наказание, именно ему, в лице судебной власти, приходится реализовывать и элемент возмездия со стороны потерпевшего. В этом смысле в назначаемом от имени государства наказании присутствует и такая составляющая, как возмездие, называемая «учет мнения потерпевшего», с той оговоркой, что это имеет место при рассмотрении уголовных дел только определенной категории.

Некоторые ученые утверждают, что наказание преследует лишь цели специальной и общей превенции. Наиболее ярко эту позицию выражал М.Д. Шаргородский, утверждая: «Цель наказания в социалистическом уголовном праве в самом широком плане и в конечном счете – это предупреждение совершения общественно опасных деяний. Этой целью руководствуется законодатель, устанавливая, какие наказания и как назначаются; этой целью руководствуется суд, назначая конкретную меру наказания; этой целью руководствуются органы, приводящие наказание в исполнение». «Целью (конечной целью!) наказания является только и исключительно предупреждение преступлений (общее и специальное предупреждение)» [6, с. 33].

С этим нельзя согласиться, если рассматривать весь спектр уголовно-наказуемых деяний и всех его субъектов. Позиции тех, кто видит в наказании только цель общего и специального предупреждения, становятся уязвимыми при непредубежденном анализе целей наказания, назначаемого лицам, осужденным, например, за неосторожные преступления в сфере транспортной безопасности (ст. 263 УК РФ). Говорить о достижении такой цели, как исправление, в таких случаях не приходится. Субъектами этой категории преступлений являются, как правило, лица, полностью лишённые криминальной ориентации, руководствующиеся в своей жизни положительными социальными установками, специалисты в своей области. В исправлении, в том смысле, которое придает законодатель в ч. 2 ст. 43 УК РФ, они не нуждаются. Цель специальной превенции достигнута в момент, когда субъект узнает о случившейся катастрофе, крушении, ином происшествии, повлекшем тяжкие последствия: он эту ошибку не повторит. Общая превенция касается достаточно узкой группы лиц из числа работников соответствующего вида транспорта, но и эта цель достигается самим фактом случившегося происшествия.

Тем не менее суд всегда назначает виновному наказание, близкое к максимальному, когда резуль-

татом аварии или катастрофы является смерть достаточно большого количества лиц. Такое наказание представляется справедливым, и с удовлетворением воспринимается обществом, за исключением родственников потерпевших, недовольных мягким, по их мнению, наказанием. В этих случаях наказание является возмездием за содеянное, и можно вести речь только о восстановлении социальной справедливости. Учитывая, что люди погибли и их не воскресить, восстановление социальной справедливости в этом случае заключается в обязанности виновного претерпеть лишения и страдания различного характера: морального, физического и материального. Чем больше жертв будет в результате аварии или катастрофы, тем более длительными по сроку будут указанные лишения и страдания. Более того, к таким лицам, как правило, не применяется условно-досрочное освобождение.

Приведем в качестве примера судьбу осужденных к различным срокам лишения свободы по факту гибели летом 2011 г. большого числа людей на теплоходе «Булгария». 3 июля 2014 г. по делу было осуждено 5 человек, из которых четверо отбыли наказание полностью, условно-досрочное освобождение от наказания к ним не применялось. Осужденная по этому же делу к 9 годам лишения свободы И. продолжает отбывать наказание. Данный приговор – яркое подтверждение мнения автора о безусловной приоритетности в таких приговорах цели восстановления социальной справедливости путем воздаяния за содеянное, и бессмысленно отрицать столь очевидный факт. Высказанное М.Д. Шаргородским мнение представляется необидительным применительно к подобным преступлениям. Для восстановления социальной справедливости преступление, повлекшее тяжёлые последствия, должно влечь более строгое наказание, т.е. к виновному должны быть применены более глубокие по степени воздействия и более длительные по сроку воздействия элементы кары, что, собственно, и предусмотрено законодателем в санкциях статей, и реализуется на практике.

Проанализируем его позицию в отношении цели уголовного наказания применительно ко всему массиву преступлений. Если принять ее как верную, то, с учетом той аксиомы, что самым эффективным предупреждением совершения новых преступлений является неотвратимость наказания, следует сделать вывод, что для достижения целей общей превенции нет вообще никакой разницы в назначаемом виновному в совершении преступления субъекту наказании: ни в его виде, ни в его размере. Достаточно самого факта привлечения к уголовной ответственности и назначения любого, даже самого мягкого, наказания.

В то же время, если исходить из того, что принуждение является средством, при помощи которого достигается желаемая цель – общее и специ-

альное предупреждение преступлений, тогда цель будет тем полнее и быстрее достигнута, чем надежнее будет средство достижения – как можно более суровое наказание. Но тогда суды должны все время назначать максимальное наказание, так как это будет наиболее эффективным средством достижения единственной цели – частной и общей превенции.

Естественно, что на практике суды, вопреки категоричному мнению М.Д. Шаргородского, назначая уголовное наказание, руководствуются не только целями специальной и общей превенции, а принимают во внимание степень общественной опасности содеянного, личность виновного, тяжесть наступивших последствий, законные интересы потерпевшего, государства и общества, другие факторы, в том числе и не обязательно прописанные в законе, из которых складывается социальная справедливость. Наиболее справедливым наказанием будет то, которое отвечает принципам уголовного права, требованиям закона и, будучи гуманным в отношении осужденного, удовлетворяет ожидания общества либо его отдельных членов, т.е. в максимальной степени восстановит социальную справедливость.

Именно так понимают законодателя и правоприменители: 42 из 71 (59 %) принявших участие в анкетировании судей приоритетной при назначении наказания назвали именно цель восстановления социальной справедливости. 12 судей (17 %) признали приоритетной целью исправления осужденного, а 23 судьи (32 %) считают приоритетной целью предупреждение совершения новых преступлений. Следует оговорить, что некоторые респонденты признали равно приоритетными две или все три цели наказания.

2. Исправление осужденного

В научной литературе много говорится о такой цели наказания, как исправление осужденного. В советские времена некоторые авторы полагали, что наказание может способствовать исправлению и даже (с оговорками) перевоспитанию лица, совершившего преступление. О возможности перевоспитания говорил В.М. Коган, когда утверждал: «в плане общего предупреждения наказание должно устрашать; в плане специального предупреждения – исправлять и перевоспитывать, что не обязательно предполагает устрашение» [7, с. 159]. Возможность перевоспитания допускали и в постсоветское время, например, Н.Н. Смирнова, рассуждая о возможности применения к осужденному условно-досрочного освобождения, главным условием считала его перевоспитание [8, с. 316].

По мнению В.Б. Малинина, исправление и перевоспитание имеют разные смысловые значения в нравственном и юридическом аспектах. В нравственном аспекте исправление означает изменение к лучшему отдельных взглядов, отдельных сторон человека, когда в целом личность не нуждается в

коренной перестройке, а перевоспитание – это переделка заново сознания человека в процессе преодоления принадлежащих ему принципиально неверных взглядов и представлений. В юридическом аспекте исправление есть такое изменение личности преступника, которое превращает его в безопасного и безвредного для общества человека. Исправить – значит добиться такого положения, когда лицо больше не совершает преступлений. Перевоспитание же есть исправление преступника плюс воспитание из него сознательного члена общества [9, с. 74].

Можно привести еще много определений исправления, которые во многом схожи между собой с теми или иными вариациями. Но все эти рассуждения применимы к той категории преступников, которые осознанно встали на путь совершения насильственных и корыстно-насильственных преступлений либо, напротив, совершили «ситуационные» преступления под влиянием алкоголя или иных внешних факторов. Вряд ли их можно в полной мере применить к лицам, совершившим неосторожные преступления, преступления в сфере экономической деятельности, преступления против интересов государственной службы и целого ряда других преступлений. Практически все субъекты этих преступлений являются активными, зачастую сознательными членами общества, трудятся и приносят определенную пользу обществу. Факт совершения ими неосторожного либо умышленного (получение взятки, подделка документов, преднамеренное банкротство и т.п.) преступления вовсе не перечеркивает имеющиеся у них заслуги и принесенную ими ранее пользу для общества. Это обстоятельство всегда успешно и правомерно используют в судебном заседании адвокаты.

В чем должно заключаться исправление этих лиц? Только в том, что они прекратят свою преступную деятельность в будущем. Но тогда следует вести речь об исправлении исключительно в юридическом смысле: после назначения и отбытия уголовного наказания осужденный перестанет совершать новые преступления, то есть фактически о специальной превенции, предупредительной роли наказания в отношении осужденного. Однако специфическая преступная деятельность субъектов перечисленных выше преступлений уже пресечена, и маловероятно, чтобы вновь сложились такие же условия для совершения (возобновления) новых преступных деяний. В самом деле, чтобы похищать бюджетные средства, получать взятки, совершать иные преступления такого рода, надо быть, как правило, должностным лицом. В условиях действующего законодательства вновь стать должностным лицом ранее осужденному за подобные преступления крайне маловероятно. Приведенные рассуждения применимы также к большинству лиц, совершивших неосторожные преступления, преступления в сфере охраны труда, экологические преступления и т.п.

Во всех этих случаях наказание выступает исключительно как кара, справедливое воздаяние за совершенное деяние и преследует цель восстановления, насколько это возможно, социальной справедливости. Общество имеет право на восстановление социальной справедливости в тех случаях, когда один из его членов незаконно пользуется значительной частью общественных благ, лишая тем самым части этих благ других членов общества. Такого же восстановления справедливости общество ждет от государства и в тех случаях, когда кто-то из его членов (умышленно или по неосторожности) пренебрегает установленными правилами поведения, что влечет различные тяжкие последствия, в т.ч. гибель людей.

Нельзя исключать, что какую-то часть осужденных назначение наказания и процесс его отбывания подтолкнет к необходимости коренного пересмотра своих жизненных позиций, нравственных ориентиров. Общество вправе рассчитывать и на такие последствия уголовного наказания. Но подобное можно ожидать лишь в редких случаях и считать это факультативным результатом назначенного наказания.

Некоторые исследователи вовсе отрицают исправление осужденного как цель исполнения наказания. К примеру, М.А. Темирханов утверждает, что «исправление осужденного как цель исполнения наказания в силу противоречивости и отсутствия четких критериев ее определения не может быть установлена в качестве законодательной категории» [10, с. 56]. С.В. Максимов отрицает исправление как цель наказания на том основании, что уголовное законодательство не может быть инструментом достижения исправления, поскольку не может врываться в духовную сферу, то есть в сферу мыслей, убеждений и мотивов [11, с. 111]. Р.А. Дьяченко обосновывает отсутствие практической возможности достижения цели исправления осужденных в исправительных учреждениях в условиях современной жизни Российского государства тем, что потеря государственной монополии на идеологию, мораль, нравственность, культуру и т.п. практически свели на нет возможность в местах лишения свободы достичь такой цели наказания [12, с. 52-82].

Приведенные ранее результаты изучения мнения представителей судейского корпуса, когда лишь каждый шестой из них считает цель исправления приоритетной, дают серьезные основания для существования подобных мнений, как подтверждаемые практическими работниками.

На практике степень исправления осужденного, как достигнутой цели наказания, исследуется судом при изменении назначенного наказания. Соотношение карательной и исправительной составляющей наказания, с учетом его целей, не заканчивается стадией назначения. Напомним, что в уголовном праве наличествуют многократно применяемые институты освобождения от назначенного наказания

либо иного его смягчения (ст.ст. 74 ч. 1, 79 ч. 1, 80 УК РФ и ст. 78 ч. 1 УИК РФ). Только во взаимосвязи назначенного наказания и его возможного изменения в последующем должна оцениваться эффективность применения уголовного наказания и достижение закрепленных в уголовном праве целей наказания. По закону, указанные институты должны применяться судом как мера поощрения в ответ на позитивные изменения в поведении осужденного, свидетельствующие о его исправлении.

Указав условием применения правил ст.ст. 74 ч. 1 и 79 ч. 1 УК РФ исправление осужденного, законодатель не раскрыл, что следует понимать под исправлением осужденного, какова должна быть степень исправления и по какому критерию оно может быть оценено. Принятием Федерального закона от 05.05.2014 г. № 104-ФЗ законодатель попытался дать ответ на это: «суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения» [13].

Из текста закона следует, что осужденный своим поведением и определенными действиями должен убедить суд (и администрацию исправительного учреждения) в том, что он исправился и не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Приведенная формулировка страдает отсутствием конкретики, может быть истолкована широко и произвольно, что затрудняет правоприменительную практику. На практике заключение об исправлении осужденного выносит администрация исправительного учреждения. Отсутствие дисциплинарных взысканий, о чем будет написано в характеристике, выданной учреждением службы исполнения наказания, никак не может служить критерием исправления осужденного. Нельзя говорить об исправлении, принимая за шкалу измерения поведение осужденного в условиях изоляции от общества, когда он обязан выполнять правила внутреннего распорядка учреждения под страхом наказания в виде определенных законом мер взыскания. Выполнение осужденным требований режима никак не может достоверно свидетельствовать о его исправлении в любом аспекте.

Такова позиция и ряда ученых. Например, профессор И.А. Тарханов убежден, что «Реализация уголовно-правового поощрения в отношении осужденных предполагает не только соблюдение ими требований режима отбывания наказания, а должно основываться на более высоком уровне социально-правовой активности» [14, с. 103].

Говорить об исправлении, опираясь на отсутствие дисциплинарных взысканий, – это игнорировать реальную действительность, что повлечет негативные результаты как в борьбе с преступностью, так и в отсутствии достижения таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости и общая превенция. Все это свидетельствует о сомнительности установленной законодателем цели наказания исправления осужденного.

Высказанный вывод автора о невозможности по указанным в законе критериям сделать достоверное заключение об исправлении осужденного подтверждают работники Федеральной службы исполнения наказания Республики Татарстан, Тюменской и Кировской областей, принявшие участие в анкетировании. На вопрос о соответствии существующим реалиям условий, определенных в ч. 4.1 ст. 79, ч. 4 ст. 80 УК РФ и ч.ч. 2 и 3 ст. 175 УИК РФ, для признания осужденного исправившимся, с учетом того, что он обязан вести себя в исправительном учреждении законопослушно и выполнять режимные требования, под угрозой дисциплинарного взыскания, 52 из 129 опрошенных (40 %) ответили отрицательно.

Более того, по мнению 86 респондентов (66 %), необходимы изменения в законе, причем 43 человека (33 % от общего числа респондентов) предлагают исключить понятие «исправление» в УК и УИК РФ, оставив условием для возникновения права осужденного на освобождение от наказания либо его смягчение лишь правомерное поведение (без взыскания) и обязательное отбытие минимального срока, установленного законом. Еще 39 опрошенных (30 %) полагают возможным совсем упразднить институты условно-досрочного освобождения и замены наказания более мягким видом, за исключением случаев, когда дальнейшее отбывание наказания невозможно (тяжкие заболевания, иные исключительные случаи), т.е. и они считают необязательным или невозможным «исправление» осужденного. Четыре человека предлагают иные изменения. Отметим, что это точка зрения тех, кто непосредственно общается с осужденными и занимается их исправлением.

3. Предупреждение совершения новых преступлений

Законодатель указал в качестве одной из целей наказания предупреждение совершения новых преступлений, не указав, кому адресовано это предупреждение – осужденному или всем остальным членам общества. Если принять, что под исправлением осужденного законодатель изначально предполагал исправление в юридическом смысле, т.е. прекращение им преступной деятельности в результате назначенного и исполненного наказания, то под предупреждением совершения новых преступлений законодатель имеет в виду именно общую превенцию. Если же данное предупреждение адресовано как осужденному, так и неопределенному кругу лиц,

придется признать, что под исправлением осужденного в ч. 2 ст. 43 УК РФ законодатель имеет в виду нравственное исправление или нечто подобное. Выше были приведены аргументы против такого понимания термина исправление осужденного.

По мнению В.А. Нерсесяна, субъекты общей превенции делятся на три категории лиц, по-разному воспринимающих устрашающую роль наказания:

– «первую категорию составляют люди, для которых устрашение не имеет мотивирующего значения, так как они не совершают преступлений в силу сознательности или других обстоятельств, вообще не связанных с уголовным запретом;

– вторую категорию составляют лица, для которых устрашение не имеет мотивирующего значения, так как они совершают преступления, несмотря на угрозу неблагоприятных уголовно-правовых последствий;

– третью категорию составляют лица, для которых устрашение имеет мотивирующее значение, так как они не совершают преступления из страха перед неблагоприятными уголовно-правовыми последствиями. Они-то и представляют главный объект превенции» [15, с. 366].

Соглашаясь с приведенной классификацией, следует уточнить, что лица, составляющие третью категорию, в первую очередь опасаются не конкретного вида и размера наказания, а разоблачения их преступного деяния, то есть неотвратимости уголовной ответственности. Суть возможного наказания, будучи важным сдерживающим фактором, до определенного момента вторична. Первична неизбежность наступления неблагоприятных последствий во всех его аспектах. Если же колеблющиеся субъекты будут осознавать возможность избежать наступления негативных для них последствий, либо минимизации их до приемлемого ими уровня, например, в результате смягчения наказания, либо досрочного или условно-досрочного освобождения, общепреventивное значение назначаемого судом уголовного наказания будет резко терять свою эффективность.

Два с половиной столетия назад свое мнение по этому поводу высказал Ч. Беккариа: «Наказание достигнет своей цели, если страдания, им причиняемые, превысят выгоды от преступления. Причем такой расчет должен включать в себя неизбежность наказания и потерю выгод от совершаемого преступления» [16, с. 118]. Насколько актуальна мысль великого гуманиста в наше весьма расчетливое время, когда практически все подчинено экономической целесообразности и материальному благополучию. Нередко субъекты должностных преступлений и преступлений в налоговой и экономической сфере сопоставляют получаемые от совершения преступления выгоды с негативными для себя последствиями в результате возможного наказания. Главным при этом является расчет на возможность избежать

(в результате условного осуждения или наказания, не связанного с лишением свободы) либо значительно уменьшить (в результате досрочного освобождения от наказания или его смягчения) негативные последствия в виде ущемления различных прав и свобод. Действующий уголовный закон и позиция Верховного Суда РФ [17] дают достаточно веские основания этим надеждам и расчетам [18, с. 34-36].

Такому подходу криминально ориентированных субъектов можно противопоставить только осознание ими неотвратимости назначенного судом наказания и необходимость отбывания этого наказания в полной мере. Лишь в этом случае можно говорить об эффективности в достижении поставленной законодателем цели предупреждения совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Именно осознание субъектом несопоставимости выгод от совершения предполагаемого преступления по сравнению с возможными материальными, социальными, нравственными, физическими потерями в результате разоблачения и назначения наказания будет действенным сдерживающим фактором.

Здесь необходимо отметить, что стабильность наказания, назначенного вступившим в законную силу приговором суда первой инстанции, максимально способствует достижению всех целей, в т.ч. цели общего предупреждения совершения новых преступлений. Осознание же потенциальными субъектами общей превенции возможности свести к минимуму угрозу предстоящего в случае разоблачения наказания путем условно-досрочного освобождения либо иного его смягчения крайне негативно сказывается на эффективности общепревентивного значения уголовного наказания.

Таким образом, сопоставление значимости для общественных интересов и степени возможной достижимости всех трех целей уголовного наказания, установленных законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ, приводит к выводу о приоритетности в назначаемом судом наказании цели восстановления социальной справедливости и относительно высокой степени ее достижимости. Это подтверждается и мнением судей, большинство из которых полагает наиболее приоритетной при назначении наказания цель восстановления социальной справедливости.

Цель исправления не применима к значительной категории субъектов преступления, т.е. не может рассматриваться как цель наказания применительно ко всему массиву преступлений. Для достижения этой цели необходимо проведение весьма значительного комплекса мероприятий. Потребуется использование институтов уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, которые должны быть задействованы после назначения судом наказания. При этом нет гарантии, что указанная цель будет достигнута, несмотря на всю проведенную

работу. Нередко наказанное лицо вновь совершает преступление после отбытия наказания. Удельный вес совершивших преступления только с неснятой и непогашенной судимостью с 2009 по 2015 гг. стабилен и колеблется от 30,4 % до 34,4 % [19].

Степень достижения цели предупреждения новых преступлений (общая превенция) путем назначения наказания трудно оценить, так как она может определяться только цифрами динамики общей преступности. На состояние преступности в государстве влияет огромное количество разнообразных факторов, в первую очередь экономических. Вызывает сомнение, что наказание виновного за совершенное им деяние с той целью, чтобы другие члены общества не совершали преступления, отвечает принципам справедливости и гуманности. Виновный должен отвечать только за собственные действия и их последствия и никак не может отвечать за то, что могут совершить в будущем другие члены общества. Предупредительный эффект от назначенного наказания имеет место, но не должен быть его целью.

Напомним, что исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, имеет своими целями уголовно-исполнительное законодательство (ст. 1 УИК РФ).

Кроме того, достижение этих отдаленных во времени целей невозможно, если не будет достигнута первая и ближайшая по времени наступления из озвученных целей: восстановление социальной справедливости. Это случится, если наказание не будет назначено виновному или, напротив, будет назначено невиновному, либо мера наказания будет избрана несоразмерно мягкой или необоснованно строгая. Отсюда следует, что реально достижимой, ожидаемой обществом и применимой ко всему массиву преступлений является цель восстановления социальной справедливости. Социальная справедливость восстанавливается при условии, когда виновному назначается справедливое и максимально гуманное, применительно к конкретному преступлению, наказание, заключающееся в определенных лишениях и ограничениях его прав, соответствующих степени общественной опасности содеянного им, отвечающее уровню общественного возмущения и ожиданиям потерпевшего.

В качестве главного вывода отметим: уголовное наказание не может быть целью и средством исправления осужденного, исправление осужденного является, согласно закону, целью уголовно-исполнительного законодательства.

Предупреждение совершения новых преступлений является задачей уголовного закона, что следует из текста ст. 2 УК РФ, и его повторение в одной из статей этого закона как цели уголовного наказания (части закона) не вызывается необходимостью.

Соответственно, ч. 2 ст. 43 УК РФ следует изложить в следующей редакции: «2. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости».

Литература:

1. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. – Саратов, 1973. – 192 с.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т.2. – Тула: Автограф, 2001. – 688 с.
3. Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 191 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М.: ИНФРА-М-Норма, 1997. – 832 с.
5. Убийство диспетчера SkyGuide. – URL: https://www.gazeta.ru/2004/02/25/box_3848.shtml
6. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 160 с.
7. Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – М.: Наука, 1983. – 183 с.
8. Смирнова Н.Н. Уголовное право: учеб. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. – 675 с.
9. Малинин В.Б. Уголовно-исполнительное право: учеб. для юридических вузов. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2012. – 335 с.
10. Темирханов М.А. Цель исправления осужденного на стадии его отбывания // История государства и права. – 2014. – № 12. – С. 54-58.
11. Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / Отв. ред. А.И. Чучаев. – Ульяновск: УлГУ, 2002. – 148 с.
12. Дьяченко Р.А. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1999. – 187 с.
13. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162599/
14. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: Вопросы теории, нормотворчества и правоприменения: дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2002. – 458 с.
15. Нерсесян В.А. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ» Издат. Дом «ИНФРА-М», 2008. – 560 с.
16. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с ит. Ю.М. Юмашева. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 238 с.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48, от 29 ноября 2016 г. № 56) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». – URL: <http://www.suprcourt.ru/second.php>
18. Николаев П.М., Уразбаев Р.Ш. Закон допускает совершение некоторых преступлений многократно и безнаказанно // Законность. – 2016. – № 8. – С. 34–36.
19. Данные судебного департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg=0>

Attainability and Priority of Punishment Purposes

Urazbaev R.Sh.

Kazan National Research Technological University

The paper analyses provisions of part 2 article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation which sets the purposes of criminal punishment in the framework of their attainability. The author demonstrates that, in fact, an attainable purpose of criminal punishment consists in restoring social justice. The paper proves the priority of this purpose in relation to correction and new crime prevention since their attainability requires implementation of a complex of different legislative actions and does not have any objective criteria.

Key words: criminal punishment, criminal punishment purposes, restoring of social justice, correction of a convicted person, prevention of new crimes, priority of punishment purposes.